

Е. П. Сергун*

Соотношение понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма»

На первый взгляд, словосочетания «вид экстремизма» и «форма экстремизма» кажутся синонимичными, даже тождественными по своему лексическому значению. Так, в тематических научных дискурсах и публикациях часто встречается их спонтанное субъективно-избирательное, немотивированное в плане выбора того или иного термина употребление. Вместе с тем с научных позиций такого рода практика не является правильной, поскольку между рассматриваемыми понятиями имеются сущностные различия.

Для уяснения этого необходимо прежде всего определиться с толкованием ключевого понятия, каким в данном случае выступает «экстремизм». Согласно нашим представлениям, под *экстремизмом* можно понимать нетерпимость (враждебность) к либеральной демократии как идеологическому фундаменту конституционного строя Российской Федерации, характеризующуюся психологической готовностью к активным действиям, направленным на дезинформирование общества и провоцирование массовых беспорядков, бунтарских, революционных или милитаристских настроений, разжигание социальной нетерпимости в сепаратистских, религиозно-фундаменталистских или иных антиконституционных целях, насильственный захват власти с последующим нелегитимным изменением основ конституционного строя Российской Федерации, а равно легальный приход к власти посредством идеологической пропаганды и соответствующей политической манипуляции общественным сознанием для обеспечения формальной легитимности вводимого в стране антидемократического режима¹.

На основе аксиомы «*экстремистская идеология* → *экстремизм* → *экстремистская деятельность*» (где «→» означает процесс образования (выведения) нового от исходного (первичного) понятия путем указания на его дополнительные существенные признаки) нами делается вывод о том, что экстремизм, выражаясь

* Докторант кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук.

¹ См.: Сергун Е. П. Экстремизм как угроза безопасности конституционного строя Российской Федерации: общетеоретические и уголовно-правовые аспекты. М., 2012. С. 18.

иначе, есть приверженность антидемократизму плюс психологическая готовность к активному претворению в действительность экстремистской идеологии противоправными (прежде всего преступными) способами.

В то время как *экстремистская идеология* — это система социально-политических мировоззренческих представлений, основу которой составляют идеи нетерпимости к фундаментальным ценностям и принципам демократии (преимущественно либеральной) как форме общественно-политического устройства и политическому режиму, а равно враждебности к основам конституционного строя демократического правового государства, *вид экстремизма* образует, на наш взгляд, условно выделяемый тип антидемократической (антиконституционной) нетерпимости (враждебности), определяемый частными признаками упомянутой идеологии.

Полагаем, при квалификации общественно опасного деяния как преступления экстремистской направленности вид экстремизма определяющего значения иметь не должен. В данном случае важны не столько частные признаки конкретного вида экстремистской идеологии, под влиянием которой виновный совершает преступление, сколько общие признаки соответствующих криминальных побуждений (мотивов), возникающих на почве нетерпимости (враждебности) к либерально-демократическим основам конституционного строя Российской Федерации.

Однако относительная косность и излишняя консервативность ряда современных уголовно-правовых исследований не способствовали целесообразному закреплению в российском уголовном законе в качестве основополагающего признака экстремистского мотива преступления его антидемократической (антиконституционной) специфики. В результате «экстремистскими» признаны сегодня мотивы, предусмотренные п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), т. е. мотивы «политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды», а также «ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Как видно, законодатель перечисляет ряд криминальных побуждений, образующих самостоятельную группу преступных мотиваций, но при этом не называет главный признак, присущий данной совокупности мотивов в целом.

В соответствии с содержанием п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ реально предположить возможность существования «*политического*», «*идеологического*», «*расового*», «*религиозного*» и других, на наш взгляд, искусственно выделяемых «видов» экстремизма, что, судя по множеству публикаций, убеждает некоторых ученых-юристов в возможности их самостоятельного, обособленного уголовно-правового и криминологического рассмотрения. Однако с практической стороны такой подход кажется нам заведомо бесперспективным и безрезультатным для указанных отраслей научного знания. По нашему мнению, он отражает утопичное развитие смысла явно несовершенной уголовно-правовой нормы с присущими ей концептуальными и формально-логическими противоречиями вкупе с абстрактным и устаревшим словарно-лингвистическим определением понятия «экстремизм»¹.

¹ В российской уголовно-правовой и криминологической науке получил широкое распространение метод изучения экстремизма, состоящий в том, что в качестве теоретической основы последующих умозаключений *a priori* принимается определение понятия «экстремизм», сформулированное в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, в соответствии с которым под исследуемым явлением понимается «*приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)*». См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 10-е изд., стереотип. М., 1973. С. 833.

Для обоснования такого вывода достаточно назвать лишь некоторые виды экстремизма, выделяемые российскими учеными. В их числе: «политический экстремизм»¹, «религиозно-политический экстремизм»², «религиозно-идеологический экстремизм»³, «идеологический экстремизм»⁴, «религиозный экстремизм»⁵, «криминальный религиозный экстремизм»⁶, «религиозный экстремизм неполитического характера»⁷, «исламский экстремизм»⁸, «национальный экстремизм»⁹, «национально-этнический экстремизм»¹⁰, «расово-этнический экстремизм»¹¹, «националистический экстремизм»¹², «этнорелигиозный экстремизм»¹³, «насильственный экстремизм»¹⁴, «преступный экстремизм»¹⁵, «молодежный экстремизм»¹⁶, «групповой молодежный экстремизм»¹⁷, «социальный экстремизм»¹⁸, «социально-экономический и бытовой экстремизм»¹⁹, «экологический экстремизм»²⁰, «культурный экстремизм»²¹, «психопатический экстремизм», «спортивный экстремизм»²² и т. д.

- ¹ См.: *Лабунец М. И.* Политический экстремизм: этнонациональная регионализация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 7.
- ² См.: *Нуруллаев А. А.* Преодоление религиозного политического экстремизма — важное условие укрепления национальной безопасности России // *Безопасность Евразии.* 2002. № 1. С. 544.
- ³ См.: *Степанов Н. В.* Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 44.
- ⁴ См.: *Иншаков С. М.* Криминология. М., 2000. С. 334.
- ⁵ См.: *Скворцова Т. А.* Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 6.
- ⁶ См.: *Бурковская В. А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 12.
- ⁷ См.: *Степанов Н. В.* Указ. соч. С. 57.
- ⁸ См.: Там же. С. 44.
- ⁹ См.: *Чичановский А. А.* Национальный экстремизм и проблемы информационной безопасности страны // *Национальное согласие и национальный экстремизм в современной России: исторические корни, реалии и перспективы* : материалы регионального круглого стола. Саратов, 2000. С. 27.
- ¹⁰ См.: *Степанов Н. В.* Указ. соч. С. 40.
- ¹¹ См.: *Некрасов Д. Е.* Расово-этнический экстремизм: криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2007. С. 3.
- ¹² См.: *Иншаков С. М.* Указ. соч. С. 334.
- ¹³ См.: *Русанова О. А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северокавказского региона) // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология.* 2005. № 2. С. 108.
- ¹⁴ См.: *Павлинов А. В.* Насильственный экстремизм. М., 2004. С. 3.
- ¹⁵ См.: *Хлебушкин А. Г.* Преступный экстремизм : понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7.
- ¹⁶ См.: *Аминов Д. И., Оганян Р. Э.* Молодежный экстремизм. М., 2005. С. 3.
- ¹⁷ См.: *Сиоридзе А. Т.* Групповой молодежный экстремизм: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 4.
- ¹⁸ См.: *Осадчий М. А.* Социальный экстремизм как объект судебно-лингвистической экспертизы // *Уголовный процесс.* 2008. № 2. С. 55.
- ¹⁹ См.: *Степанов Н. В.* Указ. соч. С. 61.
- ²⁰ См.: *Иванов Н. Г.* Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений // *Государство и право.* 2003. № 5. С. 42.
- ²¹ См.: *Степанов Н. В.* Указ. соч. С. 62.
- ²² См.: *Иванов Н. Г.* Указ. соч. С. 42.

Отметим кратко некоторые критические «уязвимые места» подобного рода «классификаций».

Во-первых, большинство правоведов не учитывают, что экстремизм по своей сути есть прежде всего политический феномен. Поэтому понятие «*религиозно-политический экстремизм*» (А. А. Нуруллаев) является тавтологическим, что также отмечает А. Пфаль-Траугбер: поскольку под экстремизмом всегда понимается какое-либо политическое стремление, в данном случае достаточно употребления формулировки «*религиозный экстремизм*»¹. *Не существует, по нашему мнению, и «религиозного экстремизма неполитического характера»* (Н. В. Степанов), который в действительности подменяет собой либо «*религиозный фанатизм*», либо формы психических расстройств (заболеваний), сопряженных с оккультно-религиозным сектантством². Нелогично оперировать понятием «*идеологический экстремизм*» (С. М. Иншаков), поскольку экстремистская идеология всегда первична и выступает неотъемлемой социально-политической мировоззренческой основой экстремизма. Соответственно, некорректно и словосочетание «*религиозно-идеологический экстремизм*» (Н. В. Степанов).

На основании предложенной концепции понятия «*политический экстремизм*» (М. И. Лабунец) и «*экстремизм*» являются одинаковыми по своему лексическому значению.

Во-вторых, несмотря на очевидное изобилие предлагаемых учеными терминов и игнорирование политических аспектов экстремизма, большинство исследований фактически направлено на изучение одного и того же феномена. Например, понятия «*национальный экстремизм*» (А. А. Чичановский), «*национально-этнический экстремизм*» (Н. В. Степанов), «*националистический экстремизм*» (С. М. Иншаков), «*этнорелигиозный экстремизм*» (О. А. Русанова) и т. п. в контексте сложной социально-политической ситуации на Северном Кавказе и в исламских государствах Ближнего и Среднего Востока являются по сути синонимичными. Однако поскольку они рассматриваются в науке как самостоятельные «виды» экстремизма, можно подумать, что ученые имеют в виду принципиально разные явления социальной действительности.

В-третьих, «*социально-экономический и бытовой экстремизм*» (Н. В. Степанов), «*экологический экстремизм*» (Н. Г. Иванов), «*культурный экстремизм*» (Н. В. Степанов), «*психопатический экстремизм*» (Н. Г. Иванов), «*спортивный экстремизм*» (Н. Г. Иванов) — все эти понятия, на наш взгляд, являются следствием философского осмысления экстремизма как приверженности к неким «крайним взглядам и мерам». Но эта приверженность может проявляться в любых социальных процессах и сферах человеческой деятельности, если не сказать, что это вполне естественное свойство человеческой психики. При таком абстрактном подходе к пониманию экстремизма с позиций уголовного права становятся непонятными, как минимум, предполагаемый объект уголовно-правовой охраны и, соответственно, пределы уголовно-правового воздействия, а также критерии конституциональности и легитимности возможных уголовно-правовых мер, направленных на регулирование тех или иных общественных отношений.

¹ См.: Pfahl-Traugber A. Gemeinsamkeiten im Denken der Feinde einer offenen Gesellschaft. Strukturmerkmale extremistischer Ideologien // Politischer Extremismus 1. Die Blaue Reihe : Studienbücher für die Polizei / hrsg. v. Martin H. W. Möllers. Frankfurt, 2007. S. 15.

² См.: Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве (теоретико-дедуктивный подход). М.; Саратов, 2009. С. 55.

В-четвертых, изучение видов экстремизма осложняется тем, что некоторые российские ученые ставят знак равенства между экстремизмом и *экстремистской деятельностью*, в результате чего вызывает сомнения обоснованность выделения подавляющего большинства вышеперечисленных «вариантов» экстремизма. Из-за этого возникает искусственная конкуренция понятий «*вид экстремизма*» и «*форма экстремизма*».

Полагаем, условное подразделение экстремизма на виды все же может иметь относительно полезное значение в криминологии, но только тогда, когда речь идет о разработке практических мер, направленных на противодействие конкретным негативным явлениям социальной действительности, образующим в своей совокупности единое широкомасштабное социально-политическое явление. Например, выделяя такое направление криминологического исследования, как «*молодежный экстремизм*» (Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян) или «*групповой молодежный экстремизм*» (А. Т. Сиоридзе), можно тем самым акцентировать внимание на разработке организационно-правовых мер профилактики экстремизма с учетом возрастных, социально-психологических и иных характеристик членов тех или иных неформальных молодежных объединений. Однако важно понимать, что рассмотрение молодежного экстремизма логически предполагает изучение экстремизма в целом. В процессе подобных научных исследований мы в любом случае столкнемся с типичными антидемократическими (антиконституционными) настроениями: ультранационализмом, расизмом, шовинизмом, антисемитизмом и т. д. Ведь на практике идеологическим корнем «молодежного» экстремизма в основном выступают доктрины явно «немолодежных» политических организаций и движений, таких, например, как «Национал-большевистская партия» (НБП), «Русское национальное единство» (РНЕ), «Народная Национальная Партия» (ННП) и др. Следовательно, «молодежный экстремизм» допустимо рассматривать как формальный вид экстремизма, но отнюдь не как самостоятельное, обособленное социально-политическое явление. Сказанное справедливо и в отношении остальных упомянутых «разновидностей» экстремизма.

По нашему мнению, вид экстремизма не определяется какими-либо деяниями, а обуславливается рядом факультативных, отличительных свойств конкретной экстремистской идеологии. Например, приверженность к ваххабизму или иным антидемократическим (антиконституционным) течениям в исламе традиционно охватывается понятием «*исламский экстремизм*» (Н. В. Степанов). При этом «исламский экстремизм» является условным видом экстремизма. Можно также утверждать, что «исламский экстремизм» образует подвид «*религиозного экстремизма*» (Т. А. Скворцова). Последний, в свою очередь, выступает подчиненным (видовым) понятием по отношению к подчиняющему (родовому) понятию «экстремизм».

Важно учитывать, что выделяемый в науке какой-либо вид экстремизма помимо частных свойств всегда должен иметь основополагающий признак исходного психолого-политического феномена — нетерпимость (враждебность) к основным ценностям и принципам либеральной демократии.

Далее рассмотрим совершенно иное, на наш взгляд, понятие, коим является «*форма экстремизма*».

Форма экстремизма — это внешнее (объективное) выражение антидемократической (антиконституционной) враждебности (нетерпимости), состоящее

в совершении экстремистом каких-либо деяний, направленных на публичное провозглашение и (или) практическую реализацию определенной экстремистской идеологии.

Несмотря на то, что экстремисту всегда присуща психологическая готовность к активным действиям, он может в течение длительного времени (даже всей жизни) не проявлять себя негативным образом в каких-либо общественных делах или поступках, подлежащих юридической оценке. В таких случаях экстремизм не выходит за рамки внутренних мировоззренческих представлений конкретного лица, поскольку не получает внешнего выражения в виде каких-либо целенаправленных деяний.

Однако неверно полагать, что экстремизм вне своей материальной (объективной) формы не является объектом правового, в том числе уголовно-правового воздействия, а, следовательно, не должен интересовать юриспруденцию. Ведь предупредительная, в частности, общепревентивная функция уголовного права реализуется в отношении законопослушных граждан, а не преступников (специальная превенция). В свою очередь, эффективность общей превенции обуславливается, на наш взгляд, ничем иным, как соответствующим уровнем качества уголовного законодательства. И поскольку экстремизм выступает мотивообразующим фактором особого типа политической преступности, без его достаточного осмысления в науке уголовного права и криминологии разработка результативных правовых мер, направленных на предупреждение преступлений экстремистской направленности, представляется невозможной. В то же время, если бы экстремистские воззрения не воплощались на практике в общественно опасные формы, данный психолого-политический феномен вряд ли стал бы объектом исследований криминальных наук.

Формы экстремизма можно условно классифицировать на *правомерные*, т. е. не влекущие юридическую ответственность, и *противоправные*.

Существование *правомерных форм экстремизма* объясняется тем, что достижение столь широкомасштабной цели, как претворение на государственном уровне экстремистской идеологии в действительность, складывается из совершения неисчислимого количества деяний, большинство из которых не являются правонарушениями. Это могут быть как стратегически важные события, например, создание на локальном уровне общественно-политической организации умеренно радикального характера (на первоначальном этапе) и прохождение государственной регистрации в Минюсте России, так и ничем не примечательные, малозначительные деяния, например, закупка мебели и аппаратуры для аудитории, в которой намечается проведение регулярных съездов членов данного объединения. Деяния, образующие приготовление к совершению преступлений экстремистской направленности небольшой или средней тяжести, если в них не содержатся признаки иных правонарушений (например, административных), в силу правила, предусмотренного ч. 2 ст. 30 УК РФ, также возможно рассматривать как правомерные формы экстремизма.

Напротив, *противоправные формы экстремизма* представляют собой деяния, совершение которых запрещено действующим законодательством Российской Федерации и влечет наступление соответствующего вида юридической ответственности (в зависимости от отраслевой принадлежности нарушенной правовой нормы). Совокупность всех противоправных форм экстремизма

охватывается понятием «*экстремистская деятельность*». Уголовно-правовые формы экстремизма рассматриваются как «*преступления экстремистской направленности*».

Несмотря на наличие многих практических вопросов квалификации преступлений экстремистской направленности, основная научная проблема находится на теоретическом уровне и состоит, прежде всего, в легитимности и правомерности законодательного отнесения тех или иных форм экстремизма к уголовно наказуемым деяниям. Иными словами, принцип «разрешено все, что не запрещено законом» предельно понятен, спорно лишь то, какие деяния, на каких основаниях и в какой степени необходимо запретить.

Подводя итог, отметим, что понятие «форма экстремизма» отражает признаки *фактической деятельности экстремиста*, чем и отличается по своему содержанию от понятия «вид экстремизма», обозначающего лишь *идеологическую специфику психологической готовности индивида* к практической реализации своих убеждений. Употребление указанных терминов в качестве синонимов в науке считаем недопустимым.